

Глава 1. Храм Синчжи (1) Маркиз Динбэй

В зале шумной таверны раздавалась суматошная музыка.

За решетчатой дверью сидели напротив друг друга два человека. Один был в черном плаще, скрывавшем лицо, другой выглядел величественно, с решительным блеском в глазах.

Разговор был неясным, слышались лишь обрывки фраз.

«Маркиз Динбэй возвращается в столицу. Император велел обойтись без лишних церемоний, с ним только трое телохранителей. Эта возможность выпадает раз в тысячу лет...»

«Даже если подчиненные Сяо Фу обладают высочайшим мастерством! Даже если они могут летать по крышам и ходить по стенам, они не смогут противостоять сотне убийц смертников! Маркиз Динбэй обречён! Нужно убить его до того, как он войдёт в Цзиньлин...»

Конец октября, холодная поздняя осень, увядшие цветы и опавшие листья.

За пределами города Цзиньлин колёса скрипели, катясь по дороге. Впереди кареты возница в чёрном, неторопливо держа поводья, сказал в сторону экипажа: «Господин, мы скоро будем в Цзиньлине. Наш путь был спокойным, а та засада, о которой вы говорили... даже тени её не видно. В конце концов, мы не брали с собой войска и строго блокировали новости, так что, возможно, никто и не знает, что вы вернулись из-за заставы».

Карета была занавешена бамбуковой шторой, из-под которой струился лёгкий запах вина.

Виднелась лишь бледная босая нога, выглядывающая из-под полы яркого, расшитого золотом красного халата.

Ленивый голос, раскачиваясь вместе с каретой, произнёс: «Не спеши, до городских ворот ещё шестьдесят ли*».

[*], Лǐ – для больших расстояний, в древности ли составляла 300 или 360 шагов, стандартизированное метрическое значение — 500 метров.]

«Но...» — телохранитель только хотел что-то сказать, как вдруг услышал шелест падающих листьев неподалеку. Он чутко наострил уши и резко остановил коня: «Тпру!»

«Вот и они».

Сяо Фу неторопливо сидел, из широкого рукава показалось запястье, а между длинными пальцами зажата чаша из белого нефрита. Он лениво откинулся на роскошных шёлковых подушках.

В лесу плотная масса чёрных фигур окружила карету.

«Господин, это смертники!» — лицо телохранителя стало серьёзным. Он выхватил кривую саблю и огляделся: «Их не меньше сотни».

Другой высокий телохранитель с арбалетом в руке презрительно сказал: «Всего сотня смертников — это меньше одной тысячной врагов, погибших от наших рук!»

Рядом стоял ещё один, на вид лет пятнадцати-семнадцати, с чуть смуглой, румяной кожей и чистым, наивным взглядом, но за спиной у него были два парных кистеня*, выше его самого.

[*Кистень - это гибкое оружие, состоящее из ударного груза (шара, гири и т.п.), прикрепленного к рукояти ремнем или цепью.]

Мальчик скрестил руки, сжимая в них тёмные кистени, и молчал.

Резко раздался свист, и беспорядочно полетели стрелы, заслоняя небо! Трое мужчин с холодными лицами рубили и отбивали атаки, сначала перерезав поводья, чтобы лошади не разбежались в панике.

Мечи сверкали вверх и вниз, трое плотно прикрывали своего господина, сохраняя карету в целостности и сохранности.

Наконечники стрел ударялись о клинки, издавая звонкий и приятный металлический звук, который Сяо Фу слышал каждый день и ночь на протяжении последних пяти лет.

Внезапно раздался резкий свист, и отравленная стрела пробила бамбуковую занавеску!

Сяо Фу резко отвернулся, его кажущаяся небрежной поза мгновенно напряглась, из него вырвалась неожиданная сила, стрела лишь слегка скользнула по его щеке и вонзилась в стенку кареты.

Лицо Сяо Фу, которое от природы было с улыбкой, мгновенно стало холодным.

Снаружи уже лежали трупы.

Телохранитель: «Господин, преследовать?»

«Убить всех», — зловещий тон, совершенно отличный от прежнего.

Два телохранителя кивнули, понимая, что он имел в виду, не оставлять никого, кто мог бы вернуться и сообщить, и бросились в погоню.

Убийцы в черном не успели сбежать, их зрачки сузились, словно они не ожидали, что хоть рядом с маркизом Динбэй было всего три человека, но они были мастерами из мастеров! Братья Чэнь ещё ладно, но тот малыш был ещё страшнее! Обладая огромной силой, он мог сдвигать горы и поднимать треножники, а его чёрные кистени пронеслись, убивая и ранив бесчисленное множество людей!

Эти смертники были крайне профессиональны: прежде чем телохранители нависли над ними, чтобы допросить, они приняли яд и покончили с собой.

Телохранитель осмотрел их и покачал головой: «Господин, на телах этих смертников и на их оружии нет никаких чётких знаков, но это оружие искусно сделано, не хуже, чем у императорских гвардейцев».

Сяо Фу тихо усмехнулся: «Кто ещё во всём мире может содержать столько смертников? Можно пересчитать по пальцам одной руки».

Истрёпанная бамбуковая занавеска уже упала на землю, подул ветер, несущий густой запах крови. Яркий красный халат прикрывал бледные босые ноги.

Сяо Фу встал, вышел из шаткой кареты, окинул взглядом лежащих смертников и приказал: «Юаньцин, немедленно возвращайся в столицу и доложи императору, скажи...»

Сяо Фу замолчал, его взгляд устремился на вершину горы неподалёку, откуда сквозь красно-золотые деревья виднелись зелёные крыши.

Телохранитель проследил за его взглядом: «Господин, это храм Синчжи».

Сяо Фу кивнул и медленно сказал: «Юаньцин, если император спросит, скажи, что его дядя был ранен в засаде недалеко от столицы, получил тяжёлые ранения, не может передвигаться и залечивает раны в даосском храме в пригороде. Как только раны заживут, я вернусь ко двору, надеюсь, он не будет возражать».

Юаньцин склонил голову в знак согласия и, используя цингун*, исчез. Юань свистнул, чтобы вернуть испуганных лошадей, и после долгих успокаивающих действий повёл их, а вместе с ними Сяо Фу и мальчика, на гору.

[*Цингун (气功, qīnggōng) — вид боевого искусства в китайской культуре, позволяющий передвигаться с высокой скоростью и совершать высокие прыжки. Развитие ловкости, равновесия и невесомости, различные способности легкого передвижения.]

Тем временем на улице города Цзиньлин, перед резиденцией чиновника Сяо из Министерства доходов.

Уведомление о посещении и три оформленные картины были выброшены из двери, попав прямо Линь Цыкую в лоб.

Он ойкнул и, вскрикнув от боли, прикрыл голову.

«Господин!» — встревожился стоявший рядом юный слуга, уставился на привратника семьи Сяо и крикнул: «Мой господин — будущий зять господина Сяо! Как ты, какой-то охранник, смеешь так поступать с моим господином?!»

«Мо Лю! Это Цзиньлин, не говори ерунды», — Линь Цыкуй остановил его, потирая голову, присел, чтобы поднять разбросанные по земле картины.

Слуга шмыгнул носом и недовольно повернулся: «Господин, позвольте Мо Лю сделать это, вы плохо видите».

Привратник всё ещё выглядел надменно, указывая на Линь Цыкую: «Да как ты, полуслепой! Смеешь свататься в наш дом Сяо!»

Мо Лю: «Что с того, что он полуслепой! Вы презираете полуслепых?!»

«Презираю! Убирайтесь!» — привратник бросил коробку, которая на этот раз попала прямо в слугу, издав глухой удар.

Увидев это, Линь Цыкуй, согнувшийся до этого, резко выпрямился и встревоженно спросил: «Мо Лю! Ты в порядке?»

Слуга тихо ответил: «Господин, я в порядке».

Линь Цзыкуй тут же оттащил его за себя, указал на привратника и сказал: «Ты в таком возрасте, но при этом издеваешься над ребёнком! Невоспитанный и грубый! Разве так должен себя вести привратник в резиденции министра Сяо?! Если мой учитель, императорский цензор, узнает об этом, он обязательно донесёт на тебя!»

При словах «императорский цензор» привратник остолбенел: «Ты, это, это, это не касается нашего господина! Не клеветчи!»

«Значит, господин Сяо не знает о моём визите? И вы намеренно препятствуете мне?»

Привратник не смог ничего ответить. Господин не давал чётких указаний, но несколько раз отклонял прошения о посещении Линь Цзыкуя, и все в резиденции понимали, что это значит.

Их вторая дочь, как она могла выйти замуж за такого полуслепého бедного учёного?

Линь Цзыкуй, услышав его молчание, сложил руки и продолжил: «Я, Линь, не так уж и талантлив, но мой покойный отец и ваш господин Сяо когда-то обручили меня со второй дочерью Сяо. Согласно родительской воле и сватовству, теперь, когда мой отец скончался, семья Сяо, конечно, может не признавать этот брак, но должна принять меня с вежливостью и поговорить со мной лицом к лицу». Его голос был негромким и не слишком высоким, но каждое слово было весомым: «Смею спросить, молодой человек, господин Сяо лично сказал, что не хочет меня видеть? Не признаёт меня?»

— Действительно, учёный, с острым языком.

Привратник замолчал на мгновение, не смея ругать его, и сказал: «Господина действительно нет дома, господин Линь, пожалуйста, уходите!»

Линь Цзыкуй спросил: «Тогда вторая госпожа дома?»

Привратник отмахнулся: «Наша вторая госпожа и старая госпожа отправились в храм Синчжи, чтобы вознести благовония, и не вернутся как минимум несколько месяцев!»

Линь Цзыкуй крепко сжал картины в руке, лишь сложил руки в приветствии, затем повернулся и тихо сказал: «Мо Лю, пойдём домой».

«Да... господин».

Маленький слуга, которому было около двенадцати-тринадцати лет, с нежным лицом, тихо пробормотал: «Он всего лишь чиновник Министерства доходов, только что получивший шестой ранг, но уже так высоко задирает нос! Вы в Цзиньлине уже два месяца, несколько раз посылали уведомления, но никто из его дома не ответил, а сегодня, когда вы лично пришли, он так себя ведёт...»

«Мо Лю», — перебил его Линь Цзыкуй, — «Сколько раз я тебе говорил: будь осторожен в словах и поступках».

Мо Лю ещё ниже опустил голову и потянул Линь Цзыкуй за руку: «Господин, вы плохо видите, идите помедленнее».

«Дорогу-то я вижу, не нужно считать меня слепым».

«Это так, но доктор же сказал, что если не лечить глаза, то однажды вы совсем ослепнете, и что тогда делать?»

Линь Цзыкуй улыбнулся, в его глазах был туманный блеск: «Последние полгода я следовал указаниям врача, накладывал травы, мало бывал на свету, а сегодня, сняв повязку, я могу даже видеть твое лицо, думаю, стало намного лучше». Сказав это, он потянул Мо Лю за рукав и пошел в сторону: «Смотри, это разве не повозка с лошадьё?»

«...Господин, это осёл».

«О, лошадь или осёл, какая разница».

Медленно идя по улице, Линь Цзыкуй со слугой вошли в антикварный магазин с картинами и каллиграфией.

«Господин, вы пришли посмотреть на каллиграфию и живопись?» — продавец поприветствовал Линь Цзыкуя, оценивающе оглядывая его.

Этот господин был одет в белую хлопчатобумажную одежду, опрятный, весь проникнутый духом учёности, с мягким и элегантным лицом, но не похожий на богатого человека.

Как и ожидалось, Линь Цзыкуй принёс свои картины: «Вы здесь принимаете картины?»

Управляющий за столом поднял руку: «Какие картины, какого периода?»

«Это...» — Линь Цзыкуй слегка смутился, — «Прошлого месяца».

«О? Чьего авторства?»

Линь Цзыкуй развернул картины.

Управляющий взглянул на необычную каллиграфию и изящные рисунки, затем прищурился, глядя на красную печать: «Линь Хуайфу? Кто это?»

Линь Цзыкуй скромно сложил руки: «Это я, Хуайфу — мое вежливое* имя».

[*В древнем Китае учтивое обращение к человеку, особенно к мужчине, часто включало использование второго имени (冑, zì), также известного как вежливое имя. Это имя давалось при достижении совершеннолетия и использовалось в качестве знака уважения.]

«Каллиграфия неплохая, и рисунки тоже», — безразлично сказал управляющий, — «Я дам вам вот столько». Он протянул ладонь.

Мо Лю: «Пять лян*?»

[*冑, liǎng — китайская мера веса, равная приблизительно 37 граммам, исторически использовавшаяся также как денежная единица. 1 лян серебра эквивалентен 1000 медных монет.]

Управляющий погладил бороду: «Пятьсот монет, за три картины».

Мо Лю поспешно забрал картины: «Пятьсот монет! Ба! Это даже не покрывает стоимость чернил

моего господина! Это же нарисовано на превосходной бумаге из Шэсянь!»

«Бедный учёный, о? Бумага из Шэсянь? Врёшь без зазрения совести».

«Да, это бумага из Шэсянь! Это подарок нам от господина Тана, учёного из Императорской академии! Невежда!»

Линь Цзыкуй слегка покачал головой: «Мо Лю...»

Мо Лю повернулся и широко раскрыл глаза: «Неужели, господин, пятьсот монет, зачем вам так дешево продавать?»

Линь Цзыкуй немного поколебался, покачал головой: «Все-таки пойдем, мы помешали управляющему».

Он вежливо попрощался, и хозяин со слугой обошли еще несколько художественных лавок, но везде наткнулись на отказ. Эти несколько картин, судя по мастерству и замыслу, действительно были шедеврами, а бумага и чернила — высшего качества. Если бы Линь Цзыкуй не собирался навестить господина Сяо, он бы не стал использовать такие редкие и дорогие материалы.

Но это был Цзиньлин, чего только не видели высокопоставленные чиновники?

Каллиграфия и картины никому не известного Линь Цзыкуя здесь совершенно не продавались.

Картины не продавались, и они расстроенные вернулись в Академию Интянь. На следующий день снова раздался стук в дверь.

Мо Лю рано встал, чтобы открыть дверь. Утренний туман витал, запах чернил наполнял комнату. Линь Цзыкуй сидел на краю кровати, держа в руках свиток, на его веках была чёрная повязка, свет из окна падал на его профиль, а прозрачные пушок на щеках был словно белый иней.

Его большой палец нежно скользил по грубой бумаге, словно он мог чувствовать эти иероглифы.

До его ушей доносились разговоры снаружи.

«Мо Лю, плата твоего господина за прошлый месяц ещё не оплачена, я больше не могу откладывать для вас...»

«Подождите ещё несколько дней, ещё пару дней? В следующем году на императорском экзамене мой господин обязательно сдаст на цзиньши*! И тогда он не забудет вас».

[*[][], jìnshì - высшая степень на императорских экзаменах.]

«Эх... Ну, может быть, вам лучше поискать другое место? Несколько храмов за городом Цзиньлин неплохи, проживание и питание там дешёвы. Нужно знать, что нынешний помощник министра Министерства чинов когда-то усердно учился в храме Синчжи и занял первое место! В том храме поклоняются Великому Вэньчану*, и несколько лет назад многие учёные приезжали туда для подготовки к экзаменам».

[*Вэньчан ([][] , wénchāng) - божество, отвечающее за литературу, просвещение и чиновничью

карьеру, особенно почитался конфуцианскими учеными.]

«Храм Синчжи?»

Услышав эти два слова, сердце Линь Цзыкуя вздрогнуло.

«Господин, мы действительно уезжаем из Академии Интянь?»

Линь Цзыкуй кивнул: «Да, врач говорил, что смотреть вдаль полезно для восстановления зрения, к тому же у нас мало денег, а в Академии Интянь... нужно везде платить, и средств, выделенных Академией уезда, осталось немного, боюсь, я не дотяну до весенних экзаменов следующего года».

Мо Лю сказал: «Но у вас же есть родовое имение, его можно продать за несколько сотен лян серебра, этого хватит, чтобы продержаться до весенних экзаменов».

Линь Цзыкуй категорически отказался: «Родовое имение ни в коем случае нельзя продавать, это то, что оставили мне отец и мать. Больше никогда об этом не упоминай».

Через два дня Линь Цзыкуй собрал свои пожитки, взвалил на спину сундук для книг и вместе со слугой вышел из северных ворот города.

Шеренга императорских солдат, надменно пронеслась мимо них на конях: «Прочь с дороги! Всем прочь с дороги!»

Пятьдесят-шестьдесят ли пути Линь Цзыкуй, этот хрупкий учёный, вместе с юным слугой, в общей сложности, преодолел за три дня.

Когда они добрались до храма Синчжи, Линь Цзыкуй был весь в пыли, его обувь и полы халата были сильно испачканы. Он плохо видел дорогу в гору, Мо Лю был слаб и не мог его удержать, поэтому Линь Цзыкуй часто падал.

У главных ворот храма по обеим сторонам были написаны две стихотворные строки. Линь Цзыкуй не мог их разглядеть и спросил Мо Лю: «Что они гласят?»

«Господин, там написано: «Долго преклонив колени в поиске Дао, небеса и земля — одно зеркало, только тогда поймешь, что Дао невыразимо, и нужно действовать, когда настало время; сидя у ворот горного храма, солнце и луна — два шара, только тогда узнаешь, что за небесами есть мир, и нужно остановиться, когда пришло время».

Мо Лю был молод, но знал много иероглифов, он был глазами Линь Цзыкуя.

Линь Цзыкуй слушал и кивал: «Хорошо! Хорошо, действовать, когда настало время, и останавливаться, когда пришло время. Останавливаться в мирском, очищать сердце, вот что значит храм Синчжи».

Пока он рассуждал, он вдруг заметил неподалеку скромную, но изящную карету и несколько хороших лошадей, не зная, кто их хозяин.

Мо Лю поднялся по ступеням и постучал в дверь даосского храма. Вскоре молодой даос открыл дверь. Линь Цзыкуй объяснил цель своего визита: «Даос, я Линь Цзыкуй, родом из Хуайнани. Прибыл сюда для столичных экзаменов и хотел бы пожить в храме Синчжи некоторое время, чтобы усердно учиться. Не могли бы вы принять меня?»

Даос с удивлением посмотрел на него, затем внимательно изучил его пропуск и документ о сдаче провинциальных экзаменов, выданный магистратом Хуайнани. Хотя вид у этого человека был немного потрёпанным, его манеры были мягкими и изящными, а внешность незаурядной. Даос вежливо пригласил его: «Господин Линь, пожалуйста, следуйте за мной».

«Благодарю, даос», — Линь Цзыкуй поднял край халата и первым шагнул левой ногой за порог, — «Смею спросить, даос, что это за повозки и лошади...»

Даос тихо сказал: «В храме высокопоставленный гость, они из столицы, чтобы кого-то найти, похоже, это важные чиновники, кажется, их фамилия Сяо».

Линь Цзыкуй слегка вздрогнул.

— Это действительно вторая госпожа Сяо, его ещё не состоявшаяся жена.

—

*кистень

<http://bllate.org/book/14420/1274644>